

УДК 94(44)

УЧАСТНИКИ БЫТОВЫХ КОНФЛИКТОВ В ЛАТИНСКОМ КВАРТАЛЕ ПАРИЖА ПО МАТЕРИАЛАМ НОТАРИАЛЬНЫХ АКТОВ: ЖЕРТВЫ И АГРЕССОРЫ

Н.С. Назарьева

*Университет Сорбонна, г. Париж, 75006, Франция
Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики»,
г. Москва, 101000, Россия*

Аннотация

Настоящая работа, находящаяся на стыке социальной истории и истории права, изучает такие виды конфликтов, как драки, ссоры и непреднамеренные убийства, происшедшие в Париже первой половины XVI в. и нашедшие отражение в нотариальных актах. Выяснено, что зачастую сразу после конфликта либо после возбуждения уголовного дела стороны обращались к нотариусу за правовой информацией и документальным оформлением перемирия, тем самым избегая королевского правосудия.

Проанализировав 214 нотариальных актов, автор обнаруживает следующие закономерности. Во-первых, предметом большинства соглашений (122) оказались побои и драки. Во-вторых, участниками таких соглашений были в основном мелкие ремесленники и буржуа. В-третьих, большинство из них проживало в Латинском квартале – районе, где находились конторы нотариусов, чьи архивы составили основу исследования, а также в окрестных пригородах. В-четвёртых, агрессорами чаще становились подмастерья разных профессий и типографы, тогда как в качестве жертв чаще выступали подёнщики.

Сделанные выводы расширяют представление о судебной системе Франции первой половины XVI в., включавшей широкий круг различных институтов, которые предназначались для урегулирования конфликтов.

Ключевые слова: социальная история, история насилия, история права, нотариальные акты, история Франции XVI века

Историки давно интересуются сюжетами, связанными с насилием, повседневными конфликтами во Франции раннего Нового времени. При этом было замечено, что изучение обозначенной темы исключительно по судебным источникам даёт односторонний взгляд на проблему. В данной ситуации нотариальные акты, могут оказать неоценимую помощь, поскольку обращают внимание на специфическую практику.

Во Франции различают два варианта нотариальных актов: «минуты» (фр. *minute*) и «гроссы» (фр. *grosse*). «Гроссы», то есть полные тексты нотариальных актов, давались на руки участникам договора, а у нотариуса оставались «минуты», связки которых и составляли в конечном итоге его архив. В «минутах» опускались обширные формулы, которыми изобиловали «гроссы». Клиенты

или их наследники могли обращаться к «минутам» нотариуса, если их личный экземпляр был утрачен. Историки в основном работают с «минутами», так как они гораздо лучше сохранились.

Благодаря архивам нотариусов мы можем узнать о таких преступлениях, которые, как правило, не оставляли следа в судебных архивах, потому что их участники вовсе не стремились обращаться к правосудию.

Работая с архивами Центрального хранилища нотариальных «минут»¹, я обратила внимание на особую группу нотариальных соглашений – урегулирования конфликтов. Такие договоры заключались непосредственно в конторе нотариуса. Рассмотрим документы конторы, которая объединила архивы четырёх нотариусов, работавших между 1516 и 1554 гг.

Вот пример одного из таких договоров. 14 июля 1549 г. у нотариуса Катрена Фардо каменщик (*maçon*) из Орли Ноэль Буавен (был представлен своим дядей, торговцем и трактирщиком (*marchand et hôtelier*)) за 8 золотых эю отказывается от возбуждённого дела против землепашца Гийома Лёмера, проживающего в деревне Монс. Причина уголовного преследования и ареста крестьянина – «бесчинства, побои, раны и оскорбления» (*excez, bastures, navreures et injures*), нанесённые Лёмером вместе с его соучастниками и сообщниками (*allies et complices*) (RAN, v. 1, p. 352).

Все подобные соглашения имеют одинаковую структуру, где пострадавшая сторона декларирует, что готова прервать судебную тяжбу за определённую сумму денег. Собственно бытовые конфликты парижан и соглашения, составляемые впоследствии, могут много рассказать о людях того времени, точнее – об их социальных связях и представлениях о справедливости и порядке. Это делает изучаемые документы важным источником социальной истории и истории правосудия.

Подобные ситуативные интеракции были изучены представителями течения прагматической социологии в лице Люка Болтански и Лорана Тевено. На современных им примерах они анализировали отношения между согласием (*accord*) и разногласием (*discord*) [1, с. 57]. Сторонники прагматической социологии обращали внимание на те ситуации, когда обычный порядок вещей подвергается переосмыслению. Ситуация конфликта, в которой акторы вынуждены отстаивать свои позиции, становится подходящим моментом верификации их социального статуса. Момент совместной работы нотариуса и клиента над документом также может рассматриваться как ситуация, в которой конструируются социальные идентичности, оценки и самооценки, проявляются социальные иерархии, пронизывавшие всё французское общество.

Первоначальный отбор источников исследования вёлся по двухтомному «Сборнику нотариальных актов, относящихся к истории Парижа и его окрест-

¹ Minutier Central des notaires de Paris – один из департаментов Национального архива Французской республики, учреждённый согласно закону от 14 марта 1928 г. По предварительным оценкам, хранилище содержит не менее 100 миллионов нотариальных актов с конца XV в. по 1813 г., каждая контора пронумерована (всего их 141). Инициатором данной реформы стал Эрнест Куайак. Он предложил разделить архивы, хранящиеся у нотариусов, на две части. Современные фонды (составленные после Французской революции), затрагивающие ещё актуальные на тот момент интересы семей, рекомендовалось оставить их владельцам, а древнюю часть передать на централизованное хранение. Предполагалось, что «минуты» нотариальных контор Департамента Сены должны храниться в Центральном архиве, а документы контор провинциальных нотариусов – в региональных архивах.

ностей в XVI в.», который был издан архивистом Эрнестом Куайаком² в 1905 и 1923 гг. (RAN). Эта публикация представляет собой краткие аналитические изложения актов, которые оказались в распоряжении архивиста. Публикация Э. Куайака легла в основу электронного инвентаря, которым сегодня пользуются исследователи, чтобы ориентироваться в сложноустроенном Хранилище нотариальных «минут».

Итак, благодаря публикации Э. Куайака я смогла справиться с первым этапом исследования – выборкой документов – ещё до освоения тонкостей французской палеографии XVI в. Мной было просмотрено почти семь тысяч нотариальных актов, из которых 214 актов оказались внесудебными урегулированиями конфликтов. Затем, получив доступ к Национальному архиву и освоив палеографию, я смогла ознакомиться с оригиналами этих 214 документов и проанализировать их полный текст, включая те моменты, которые архивист посчитал не слишком важными для публикации. Именно эти 214 соглашений составили основную группу источников в настоящем исследовании. Большинство документов основной выборки представляют собой соглашения, заключённые после побоев и драк (122), поэтому внимание будет сосредоточено именно на этой группе как самой репрезентативной, составляющей ядро выборки. Вместе с тем не только драки, но и оскорбления (7 случаев), убийства (29), вопросы, связанные с внебрачными детьми (34), а также другие виды конфликтов могли становиться предметом подобных соглашений. Критерием отбора документов для исследования являлось использование в них особой формулы³, декларировавшей, что участники отказываются от судебной тяжбы в пользу нотариальной сделки.

Дата соглашения всегда известна, потому что нотариус был обязан её упоминать. Изучаемые договоры заключены между 1516 и 1554 гг., однако «минуты» за период до 1539 г.⁴, за исключением нескольких связок, сохранились в меньшем количестве; таким образом, большая часть документов относится к периоду с 1540 по 1552 г., чаще всего они подписаны Катреном Фардо либо Ивом Буржуа.

Как уже отмечалось, драки и побои оказались предметом 122 соглашений из 214. Для обозначения этого вида конфликта используются более или менее устоявшиеся формулировки, как правило, с синонимичными словами: *blessures et navreures* (раны и увечья), *frappé et blessé* (ударен и ранен), *voies de fait*

² Эта часть работы Э. Куайака была непосредственно связана с его деятельностью по сохранению нотариальных архивов и предшествовала их реформе. Архивиста беспокоила материальная сохранность документов, так как зачастую древние неиспользуемые акты лежали забытыми на чердаке либо в подвале дома нотариуса, и их научное применение в таких условиях оставалось затруднительным. Одно из таких собраний нотариальных «минут» он и опубликовал в своём сборнике. Эта публикация, во-первых, была призвана привлечь внимание историков к нотариальным актам, а во-вторых, послужила чем-то вроде инвентаря для будущего архива.

³ Текст нотариального акта является особой разновидностью (юридического) дискурса. Нотариус должен был знать право и применять его на практике. Нотариальный акт имеет специальную структуру, упорядоченную в соответствии с определёнными правилами. Письмо нотариуса стремится к стандартизации, которая осуществлялась путём применения особых стереотипных формул. Они, как правило, были заимствованы от «старших» нотариусов, из печатных или рукописных пособий по нотариальной практике либо выработаны самостоятельно за годы практики.

⁴ В 1539 г. ординасом в Виллер-Коттре постановлено, что административным языком королевства отныне является французский. Нотариусы теперь обязаны были писать на французском и хранить «минуты» прошедших у них сделок. После этого ординаса резко увеличивается количество нотариальных контор в Париже (см. исследования П.Ю. Уварова [2, с. 72–73]).

(оскорбления действием), *excès* (бесчинства), *coups* (удары), *pour raison de certaines blessures et froisseures* (по причине некоторых ранений и ушибов). Иногда речь идёт о колото-резаных ранах: *un coup de couteau* (удар ножом), *coup d'épée* (удар шпагой), *deux coups d'épée ou dague... sur la teste* (два удара шпагой или кинжалом... по голове).

Какие люди становились участниками драк на улицах Левого берега Парижа и близлежащих пригородов и какой образ общества мы можем реконструировать по материалам изучаемых договоров?

Нотариус обязательно отмечал социальный статус каждого участника соглашения, а также место его проживания. Эта информация была очень важна для самих участников и для нотариусов главным образом потому, что служила маркером социального статуса во Франции XVI в. Историк не может оставить без внимания то, что так было важно для людей определённой эпохи.

Не будем упускать из виду того, что исследуемые сделки были заключены между двумя сторонами, ведь конфликт чаще всего подразумевает наличие истцов и ответчиков. Для большей наглядности мы можем назвать их условно жертвами и агрессорами. Участников с каждой стороны могло быть больше одного, особенно в случае коллективных нападений.

Одной из репрезентативных групп в данной выборке стали люди, назвавшие себя пахарями (*laboureurs*). Девять из них выступили в договорах в роли жертв. Присутствие пахарей в изучаемых документах объяснимо: на Левом берегу Сены, где располагались конторы нотариусов, чьи архивы составляют основу данного исследования, оставалось ещё некоторое количество обрабатываемых земель, аграрный характер носили и ближайшие пригороды – Бур-ля-Рен, Баньо, Фонтаннэ, Кламар. По документам известны пахари, жившие в черте Парижа, однако в основном они проживали в этих пригородах.

В Париже XVI в. быстро растёт число типографий. Типографы нередко становились участниками драк. Четыре раза они выступили потерпевшими и столько же раз – обидчиками. Их подмастерья шесть раз предстали в качестве нападавших, а в качестве жертв – только два раза, и оба эти раза конфликт случился с другими типографами.

21 сентября 1550 г. регистрируется акт, по которому столяр (*menuisier*) за 7 золотых эю солей отказывается от всех обвинений против подмастерья типографа Пьера Ланглуа и всех его сообщников, за исключением Пьера де Жерминьи (*Sermigny*)⁵ и ещё одного нападавшего по имени Лоран. Истец обвиняет подмастерья этого типографа и его сообщников в «бесчинствах, побоях и ранах» (*excez, blesseures et navreures*). В отношении другого нападавшего, Пьера де Жерминьи, столяр составил аналогичный договор уже 6 октября; он согласен на освобождение Жерминьи из тюрьмы Шатле и отказ от судебного преследования за 10 парижских ливров (RAN, v. 2, p. 413).

Типограф Пьер де Жерминьи, проживавший на улице *des Murs*, пользовался услугами нотариуса Фардо минимум пять раз. К нему дважды отдавали на обучение подмастерьев (один раз задолго до вышеуказанного конфликта, один раз после), он выступал посредником в соглашении от имени своей сестры и

⁵ Возможно, Серминьи (*Sermigny*).

до обозначенного момента ещё ни разу не участвовал в конфликтах с применением силы.

Видимо, парижане XVI в. участвовали в драках гораздо чаще, чем наши современники. Таких, как Пьер де Жерминьи, трудно назвать преступниками. Бытовой конфликт возникает на пересечении социальных связей человека и говорит не только о девиантности, но и о «нормальности», включённости в эти связи. Агрессоры платили компенсацию потерпевшим, а значит, были платёжеспособны. Если они находились в тюрьме на момент заключения сделки, от их имени выступали родственники, часто жёны, коллеги или соседи. То, что правонарушители участвовали в жизни сообщества, подтверждают и другие сделки, которые они заключали у тех же нотариусов, – дарения, продажи, договоры о проведении работ и оказании услуг. Этот феномен также объясняется характером самого источника: к нотариусу изначально идут те, кто проходит «ценз» штрафа, за кого вступаются родственники или коллеги. Штраф, по-видимому, тоже часто выплачивался коллективно, с помощью семьи и сообщества.

Относительно частое упоминание типографов и их подмастерьев в изучаемых договорах неслучайно. Нотариальные конторы, акты которых были проанализированы, находились на Левом берегу, в университетском квартале, где в течение многих веков концентрировались мастерские ремесленников, связанных с книжным делом. В конце XV и на протяжении всего XVI в. стремительно растёт число типографий и, соответственно, типографов. Книгопечатание к этому моменту оставалось ремеслом новым, корпоративные институты ещё находились в стадии формирования, традиции только складывались, наёмные работники типографий были в Париже людьми пришлыми. Наличие довольно высокого «ценза грамотности», связанного с профессиональной деятельностью, порождало амбиции, не подкреплённые социальными возможностями и дисциплинированностью, что делало эту среду весьма конфликтной. Нравы типографов интересно описывают Натали Земон Дэвис [3, 4], а также Роберт Дарнтон по отношению к более позднему периоду [5]. Профессия книгопечатника была новой, родители большинства из них занимались другими ремёслами или земледелием. Часто типографы приезжали в Париж из других городов и деревень, иногда даже из других стран [6, р. 3], обычно немецких или нидерландских земель. По этой причине представители данной профессии были меньше интегрированы в городское общество. Важно также то, как именно работали типографы. Часто они трудились в небольших помещениях группами по три-четыре человека, занятыми работой с типографским прессом. Неженатые подмастерья жили вместе и ели также вместе за столом своего мэтра, совместно проводили своё свободное время. Скученность не только способствовала укреплению солидарности (первые забастовки, известные во Франции, произошли именно в среде типографов в 1530–1540-х гг.), но и порождала конфликты. Важно и другое: типографы и типографские подмастерья обладали грамотностью и относительным достатком (разумеется, лишь по меркам небогатого ремесленного люда предместий Левого берега); Н. Земон Дэвис пишет о лионских и парижских типографах как о наиболее обеспеченных ремесленниках, наряду с плотниками и художниками [6, р. 5]. Во всяком случае, они могли заплатить компенсацию и сформулировать статьи соглашения, заверенного нотариусом.

Противоположная ситуация наблюдается с подёнщиками. Они гораздо чаще упоминаются в качестве жертв, чем в качестве агрессоров. Но это свидетельствует не столько об их исключительном миролюбии и смирении, сколько о невозможности выплатить компенсацию. Данная категория людей представлена семь раз в качестве жертв. Например, 22 октября 1552 г. подёнщик Эрве Леблок, живший на улице Аблон, отказался от всех исков против красильщика Филиппа Канайе, который нанёс побои его жене. Красильщик, в свою очередь, отказался от всех претензий к жене подёнщика, которая нанесла ему «чудовищные оскорбления» (RAN, v. 1, p. 505). К сожалению, формат этого документа не предполагает более полного изложения сути конфликта – мы можем только предполагать, насколько тяжёлыми были побои и какими именно словами или действиями был оскорблён красильщик.

В качестве агрессоров подёнщики представлены только три раза, причём в двух случаях речь идёт о конфликте между двумя подёнщиками, а в третьем подёнщик побил извозчика (RAN, v. 1, p. 443–444).

Таким образом, большая доля подёнщиков среди потерпевших в конфликтах, вероятно, свидетельствует о некоторой приниженности этой категории по сравнению с другими. По-видимому, мы можем говорить о своего рода имущественном цензе, ведь очень бедный человек не мог бы заплатить штраф и вознаграждение нотариусу. Подёнщики, которые выполняли неквалифицированную работу и зарабатывали мало, не смогли бы заплатить штраф, если бы были инициаторами конфликта, а значит, и не стремились заключать мирные соглашения у нотариуса. Важно также обратить внимание на то, что подёнщики, как и типографы, не имели своих институтов арбитража, о чём свидетельствуют договоры, которые подёнщики заключали друг с другом.

Левый берег Парижа прежде всего известен историкам как университетский квартал. Именно здесь располагались многочисленные колледжи, здесь проживало много студентов. Однако последние очень слабо представлены в нотариальных перемириях. Трижды студенты выступали в роли жертв и один раз в роли агрессора. В 1541 г. Николь Гиллекен, студент Парижского университета, отказался от всех исков против старьёвщика Жана Сабара за сумму в 4 золотых эю. Причина конфликта обозначена как «бесчинства и оскорбления» (RAN, v. 2, p. 330).

Слабое присутствие студентов на первый взгляд удивительно. Вообще, студенты часто ходят к нотариусам по всевозможным причинам, часто заключают сделки купли-продажи или дарения. Кроме того, они известны далеко не миролюбивым нравом. Не только репутация, но также пол и возраст предполагают, что данная категория должна была часто участвовать во всевозможных уличных конфликтах. Неспроста историография тесно связывает насилие и возраст (см. [7–9]).

Насилие в среде студентов известно из самых разных источников и даже особо отмечается в королевских указах, некоторые из которых направлены на то, чтобы уменьшить это явление [10, p. 94–96]. Например, ордонанс 1554 г. представляет студентов как группу, которая несёт опасность сложившемуся порядку вещей в городе. Школяры обвиняются в том, что ходят в неподобающей их статусу одежде и скрывают лица (*portans chapeaux si bas, en forte qu'à*

grand peine le put-on cognoistre). Многие только выдают себя за студентов, а на самом деле ими не являются. В тексте этого ордонанса студенты ассоциируются с бродягами (*lesdits écoliers & autres gens vagabons*), они обвиняются в том, что ночью участвуют в потасовках и грабежах (*batteries & destrousses durant la nuit* (ОСР, р. 649)).

Отсутствие упоминаний о студентах в изучаемых источниках вовсе не говорит о том, что в конфликтах они не участвовали. Во-первых, студенты, как клирики, были подвластны церковному суду, а в гражданских исках – суду Парижского прево – хранителя королевских привилегий Парижского университета. Во-вторых, они могли иметь собственные институты урегулирования конфликтов, например, на базе своих «наций» и коллежей. Эту версию подтверждает тот факт, что среди нотариальных актов нет таких перемирий, в которых участники конфликта с обеих сторон относились бы к университету.

Урегулирование конфликтов с помощью нотариусов в основном интересовало разного рода ремесленников, которые выступали и в роли истцов, и в роли ответчиков. Среди них есть представители шести привилегированных корпораций (*six corps*): суконщики, бакалейщики, галантерейщики. К привилегированным категориям следует причислить также «мэтров» в своём деле (*maître des métiers*) и тех, кто специально относил себя к «парижским буржуа» (*bourgeois de la ville de Paris*). Среди таковых встречаются красильщики, портные, кожевники, сапожники, булочники, ножовщики, мясники, каменщики, столяры и даже изготовители инвентаря для игры в мяч (*jeu de paume*).

Торговцы также представлены в документах. Четыре раза они выступают в качестве жертв побоев и три раза в роли агрессоров. Помимо этого, среди конфликтующих замечены один стряпчий светской курии (*praticien en cour laye*), три сержанта и два священника. Представители благородного сословия ни разу не заключали договоров о внесудебном урегулировании после драки. Более того, во всей выборке нотариальных «минут» фигурирует только один «благородный человек», это шевалье Рене де Майи, который заключил договор в результате убийства двух наездников королевских конюшен (*chevaucheurs d'écurie de Roy*) (CARAN, MC/ET/XXXIII/21, fol. 353). О судьбе и наказании его ничего не известно.

Осуществляя анализ источников, которые касались только конфликтов, связанных с бытовым или «эндемическим» насилием (оно во французской историографии обычно именуется *violence ordinaire*), я заметила одну любопытную деталь: подмастерья гораздо чаще выступали в роли агрессоров, чем в роли жертв. Из 30 подмастерьев 11 явились жертвами, а 19 – агрессорами. Это сигнализирует не только об их большей «агрессивности», но и о том, что они были менее укреплены в обществе по сравнению со своими мэтрами, реже были женаты, то есть не обладали развитыми семейными связями. Тем не менее род занятий подмастерьев всё же позволял им платить штраф пострадавшей стороне.

Чтобы оценить, насколько велик штраф, выплачиваемый ответчиком, следует сравнить его со средней величиной. В связи с этим мною были посчитаны средние величины компенсаций, которые выплачивали участники изучаемых договоров. Подсчёт вёлся в турецких ливрах, так как это наиболее часто исполь-

зуемая счётная единица в рассматриваемых источниках⁶; все «золотые экио с изображением солнца» я конвертировала в турецкие ливры. Соотношение между ливром и золотым экио в этот период известно из литературы; более того, его можно вывести даже из анализируемых мною документов. Так, иногда нотариусы дважды указывают сумму: в экио и в турецких ливрах. По одному из договоров ответчик заплатил компенсацию в сумме 12 экио или 27 турецких ливров (RAN, v. 1, p. 281). Один золотой экио в середине XVI в. был равен 2.2 турецких ливра. Средний арифметический размер штрафа составлял 10 турецких ливров, средняя медианная величина – около 8 турецких ливров. Эта сумма представляет собой только компенсацию, которая выплачивалась ответчиком в пользу жертвы драки. Сумма издержек правосудия (расходы на клерков, адвокатов и нотариусов) не обозначается. В редких соглашениях компенсация не назначена и вовсе.

Ответчик оплачивал расходы на цирюльника (*barbier*); в тех редких случаях, когда нам известна эта сумма, она колеблется от 40 до 60 турецких солей (*су*), то есть в пределах 2–2.5 турецких ливров. Но, разумеется, эта сумма могла варьироваться в зависимости от того, насколько тяжким оказался вред здоровью истца.

По данному вопросу довольно сложно выявить закономерности, потому что, несмотря на обилие нотариальных «минут», с которыми потенциально можно работать, информация в них часто весьма обрывочная, что мешает генерализации. Однако существует следующая тенденция: средний размер компенсации, которую выплачивает агрессор, изменяется в зависимости от социальных статусов участников конфликта. Кроме того, влияние оказывает и число нападавших, и тяжесть побоев.

Любопытные тенденции были выяснены при анализе социального состава истцов и ответчиков. Обидчиками в бытовых конфликтах чаще всего становились подмастерья разных профессий, а также типографы, в то время как подёнщики, люди более низкого социального статуса, чаще выступали в роли жертв.

Почти всегда участниками драк становились мужчины, тогда как женщины скорее бывали вовлечены в словесные перепалки. В архивах конторы XXXIII нашлось два соглашения, заключённых после драк с непосредственным участием женщин. Например, 26 декабря 1546 г. Ализон Омон, вдова изготовителя латунных пряжек (*bossetier*), и прачка Перетта Делиль заключили соглашение из-за «злоупотреблений, побоев и оскорблений, которые, по словам вышеназванной Делиль, были ей нанесены» (CARAN, MC/ET/XXXIII/32, fol. 357).

Кроме того, женщины участвовали в драках на стороне своих супругов: это проявилось в конфликтах между соседями, в которые были вовлечены целые семьи. В 1553 г. на Троицу подмастерье красильщика со своей женой, мясник и жена другого подмастерья красильщика нанесли «оскорбления, побои и другие оскорбительные действия» (*voyes de fait*) вдове суконщика (*drapier drapant*) (CARAN, MC/ET/XXXIII/38, fol. 87). Таким образом, женское насилие находится в рамках соседских и межсемейных столкновений или конфликтов внутри корпораций. Для историков оно часто проходит незаметным, потому что слабо

⁶ В ходу были также парижские ливры (*livre parisien*), но, по моим данным, они использовались гораздо реже. Акты, в которых штрафы выплачивались бы в парижских ливрах, в исследуемую выборку не попали.

отражается в источниках⁷. Однако материалы нотариальных «минут» показывают, что женщины могли играть активную роль в конфликтах и даже выступать от своего имени. Обычной была ситуация, когда женщина оказывалась вовлечённой в процесс примирения в качестве жены и в качестве опекуна своих несовершеннолетних детей. Женщины могли выступать от имени своих мужей, заключённых в тюрьму либо серьёзно раненых и не имевших возможности самостоятельно представлять себя у нотариуса.

Анализируя факты насилия, которые отражаются в нотариальных актах, нужно принимать во внимание особенности социальной географии Парижа. По данным Жан-Пьера Бабелона, к середине XVI в. население французской столицы достигает 350 тысяч человек [12, р. 159–166]. При этом плотность населения была очень велика, а расстояния между домами крайне малым. Даже улица Сен-Жак, одна из главнейших осей города, как и улицы Сен-Дени и Сен-Мартен, не достигала в ширину более 8 метров [13, р. 72]. Такая скученность не способствует мирному поведению обитателей города.

Именно на улице Сен-Жак на Левом берегу Сены и находилась контора Ива Буржуа, напротив капеллы святого Ива. Бюро Катрена Фардо располагалось на площади Мобер (RAN, v. 2, р. 41). Клиенты этих нотариусов в основном также обитали на Левом берегу Сены или в ближайших пригородах, так как парижане предпочитали пользоваться услугами тех нотариусов, которые работали поблизости. В университетском квартале, как мы уже отмечали, находилось много коллежей и типографий, но также в обилии имелись ремесленные мастерские и различные лавки. Жители этой части города были гораздо менее обеспеченными, чем население Правого берега Сены, поэтому в перспективе интересно бы было сравнить нотариальные урегулирования конфликтов в разных кварталах Парижа: на Правом и Левом берегу Сены.

Итак, можно сделать следующие выводы. Большая часть участников конфликтов – ремесленники различных специализаций. Среди них выделяются подёнщики, которые редко играли роль агрессоров, вероятно, потому что редко могли собрать необходимую сумму для выплаты компенсации (это также могло влиять на их поведение). Подмастерья самых разных ремесленников, независимо от специализации, почти в два раза чаще становились агрессорами в конфликтах, чем жертвами. Типографы и их подмастерья часто упоминаются в источниках, что объясняется большим количеством типографий в Латинском квартале, новизной профессии и связанным с этим отсутствием внутрикорпоративных способов регуляции разногласий. В то же время студенты, которые обычно часто участвуют в разного рода стычках, почти не представлены в документах; основными причинами являются наличие развитых внутренних институтов (коллежи, «нации») и использование привилегий клерикального статуса.

Представители некоторых профессий чаще принимали участие в конфликтах, чем другие. Эта тенденция объясняется многими факторами: присутствие той или иной категории в изучаемом квартале, её «агрессивность» и платёжеспособность, а также стремление выбирать нотариальный способ вместо других возможностей урегулирования.

⁷ Н. Земон Дэвис в числе прочего изучает женские голоса в письмах о помиловании (см. [11]).

По-видимому, любые конфликты в изучаемый период так или иначе связаны с вопросами чести, хотя этот момент не отражён в «минутах», чей формат не предполагает дополнительных объяснений и мотиваций. Следовательно, обидчик выплачивал деньги потерпевшей стороне не только для того, чтобы возместить материальный ущерб и вред здоровью, но и с целью возместить ущерб чести.

К сожалению, нотариусы не стремились рассказать о причинах произошедшего конфликта – их документы остаются сухими и максимально лаконичными. Но знание некоторой информации об участниках конфликтов помогает раскрыть природу разногласий. Чаще всего столкновения происходили между коллегами и между соседями. Таким образом, конфликт в виде потасовки наглядно выступает как форма взаимодействия между «своими» – чужаки здесь бывают редко. Остаётся открытым вопрос о том, можно ли объяснить данную тенденцию лишь характером нотариальных актов, или парижане действительно менее интенсивно конфликтовали с людьми, выделяющимися из их привычного круга? А конфликт с рукоприкладством не был таким уж исключительным явлением в жизни парижан XVI в.

Источники

- RAN – *Coyecque E.* Recueil d'actes notariés relatifs à l'histoire de Paris et de ses environs au XVIe siècle: 2 v. – Paris: Imprimerie Nationale, 1905. – V. 1: 1498–1545. – 932 p.; 1923. – V. 2: 1532–1555. – 832 p.
- OCP – Ordonnance de la cour de parlement pour la police des escoliers de l'université // Félibien M., Lobineau G.-A. Histoire de la ville de Paris: 5 v. – Paris: Chez G. Desprez et J. Desessartz, 1725. – V. 3. – P. 647–650.
- CARAN – Centre d'accueil et de recherche des Archives nationales.

Литература

1. *Болтански Л.* Критика и обоснование справедливости: очерки социологии городов / Пер. с фр. О.В. Ковеневой. – М.: Нов. лит. обозрение, 2013. – 576 с.
2. *Уваров П.Ю.* Французское общество XVI века: Опыт реконструкции по нотариальным актам. – М.: Наука, 2004. – 511 с.
3. *Zemon Davis N.* Les cultures du peuple: Rituels, savoirs et résistances au 16e siècle. – Paris: Aubier Montaigne, 1979. – 444 p.
4. *Zemon Davis N.* Le monde de l'imprimerie humaniste: Lyon // Histoire de l'édition Française: 4 v. / H.-J. Martin, R. Chartier, J.-P. Vivet (eds.). – Paris: Promodis, 1993. – V. 1: Le Livre conquérant, du Moyen Âge au milieu du dix-septième siècle. – P. 423–444.
5. *Darnton R.* Le grand massacre des chats. Attitudes et croyances dans l'ancienne France. – Paris: Robert Laffont, 1985. – 285 p.
6. *Zemon Davis N.* Strikes and Salvation at Lyon // Zemon Davis N. Society and Culture in Early Modern France. – London: Duckworth, 1975. – P. 1–17.
7. *Muchembled R.* Une histoire de la violence: De la fin du Moyen Âge à nos jours. – Paris: Seuil, 2008. – 498 p.
8. *Brockliss L.* Contenir et prévenir la violence. La discipline scolaire et universitaire sous l'Ancien Régime (XVIIe – XVIIIe siècles) // Histoire de l'éducation. – 2008. – Num. 118. – P. 51–66.

9. *Violences juvéniles urbaines en Europe / Rousseau X., Weirt X. de (dir.)*. – Louvain-la-Neuve: Presses universitaires de Louvain, 2011. – 260 p.
10. *Roussel D. Violences et passions dans le Paris de la Renaissance*. – Paris: Éditions Champ Vallon, 2015. – 394 p.
11. *Zemon Davis N. Fiction in the Archives: Pardon Tales and Their Tellers in Sixteenth-century France*. – Stanford: Stanford Univ. Press, 1987. – 217 p.
12. *Babelon J.-P. Paris au XVIe siècle*. – Paris: Hachette, 1986. – 626 p.
13. *Roux S. De Philippe-Auguste à François 1er // Paris: genèse d'un paysage / Louis B. (dir.)*. – Paris: Picard, 1989. – P. 58–72.

Поступила в редакцию
03.04.18

Назарьева Надежда Святославна, докторант

Университет Сорбонна
ул. Виктора Кузена, д. 1, г. Париж, 75005, Франция

аспирант

Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики»
ул. Мясницкая, д. 20, г. Москва, 101000, Россия
E-mail: nazarevanadezhda@gmail.com

ISSN 2541-7738 (Print)
ISSN 2500-2171 (Online)

UCHENYE ZAPISKI KAZANSKOGO UNIVERSITETA. SERIYA GUMANITARNYE NAUKI
(Proceedings of Kazan University. Humanities Series)

2018, vol. 160, no. 3, pp. 749–760

**Parties Involved in Ordinary Violence in the Latin Quarter of Paris
According to Notarial Acts: Victims and Aggressors**

N.S. Nazareva

Sorbonne University, Paris, 75006 France

National Research University "Higher School of Economics", Moscow, 101000 Russia

E-mail: nazarevanadezhda@gmail.com

Received April 3, 2018

Abstract

The present paper is a research on the intersection between social history and history of law. The attention is focused on fights, quarrels, and manslaughters that took place in Paris during the first part of the 16 century. The main source for this study is notarial acts, which are preserved in the Minutier Central of the French National Archives. It has been revealed that the two parties of the conflict asked for intervention of a royal notary in order to resolve their conflict or to sign the deal that was already discussed. That would permit Parisians to avoid dealing with the complicated judicial system.

As a result of the analysis of 214 notarial acts, the following patterns have been discovered: firstly, the subjects of most agreements (122) were beatings and fights; secondly, the participants in such agreements were mostly small artisans and bourgeois; thirdly, most of them lived in the Latin Quarter, i.e., in the area where the offices of notaries, whose archives formed the basis of the study, were located, as well as in the surrounding suburbs; fourthly, apprentices of various professions and typographers turned out to be the aggressors in a higher number of cases, while day laborers were more often the victims.

The obtained results broaden our vision about the French judicial system in the 16th century that comprised various social institutions for conflict resolution.

Keywords: social history, history of violence, judicial history, notarial acts, French history in 16th century

References

1. Boltanski L. *Kritika i obosnovanie spravedlivosti: ocherki sotsiologii gradov* [Criticism and Justification of Justice: Essays on Urban Sociology]. Moscow, Nov. Lit. Obozr., 2013. 576 p. (In Russian)
2. Uvarov P.Yu. *Frantsuzskoe obshchestvo XVI veka: Opyty rekonstruktsii po notarial'nyim aktam* [The 16th century France: A Reconstruction Based of Notarial Acts]. Moscow, Nauka, 2004. 511 p. (In Russian)
3. Zemon Davis N. *Les cultures du peuple: Rituels, savoirs et résistances au 16e siècle*. Paris, Aubier Montaigne, 1979. 444 p. (In French)
4. Zemon Davis N. Le monde de l'imprimerie humaniste: Lyon. In: Martin H.-J., Chartier R., Vivet J.-P. (Eds.) *Histoire de l'édition Française*. Vol. 1: Le Livre conquérant, du Moyen Âge au milieu du dix-septième siècle. Paris, Promodis, 1993, pp. 423–444. (In French)
5. Darnton R. *Le grand massacre des chats. Attitudes et croyances dans l'ancienne France*. Paris, Robert Laffont, 1985. 285 p. (In French)
6. Zemon Davis N. Strikes and salvation at Lyon. In: Zemon Davis N. *Society and Culture in Early Modern France*. London, Duckworth, 1975, pp. 1–17.
7. Muchembled R. *Une histoire de la violence: De la fin du Moyen Âge à nos jours*. Paris, Seuil, 2008. 498 p. (In French)
8. Brockliss L. Contenir et prévenir la violence. La discipline scolaire et universitaire sous l'Ancien Régime (XVIIe – XVIIIe siècles). *Histoire de l'éducation*, 2008, no. 118, pp. 51–66. (In French)
9. *Violences juvéniles urbaines en Europe*. Rousseau X., Weirt X. de (dir.). Louvain-la-Neuve, Presses universitaires de Louvain, 2011. 260 p. (In French)
10. Roussel D. *Violences et passions dans le Paris de la Renaissance*. Paris, Éditions Champ Vallon, 2015. 394 p. (In Russian)
11. Zemon Davis N. *Fiction in the Archives: Pardon Tales and Their Tellers in Sixteenth-Century France*. Stanford, Stanford Univ. Press, 1987. 217 p.
12. Babelon J.-P. *Paris au XVIe siècle*. Paris, Hachette, 1986. 626 p.
13. Roux S. De Philippe-Auguste à François 1er. In: *Paris: genèse d'un paysage*. Louis B. (dir.). Paris: Picard, 1989, pp. 58–72. (In French)

Для цитирования: Назарьева Н.С. Участники бытовых конфликтов в Латинском квартале Парижа по материалам нотариальных актов: жертвы и агрессоры // Учен. зап. Казан. ун-та. Сер. Гуманит. науки. – 2018. – Т. 160, кн. 3. – С. 749–760.

For citation: Nazaryeva N.S. Parties involved in ordinary violence in the Latin Quarter of Paris according to notarial acts: Victims and aggressors. *Uchenye Zapiski Kazanskogo Universiteta. Seriya Gumanitarnye Nauki*, 2018, vol. 160, no. 3, pp. 749–760. (In Russian)